

МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. В. ФРУНЗЕ¹

АРАПОВ

Дмитрий Юрьевич

(16 мая 1943 г. — 14 декабря 2015 г.),

д-р ист. наук, профессор, член Международного редакционного совета журнала «Ислам в современном мире»; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, исторический факультет).

Аннотация: Статья посвящена взглядам и политике советского военачальника Михаила Фрунзе по отношению к мусульманским народам и странам (Средняя Азия, Афганистан и Турция).

Ключевые слова: Гражданская война в России, ислам, Средняя Азия, басмаческое движение, СССР и кемалистская Турция, Афганистан.
DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-127-138

Гражданская война в России (1918–1920 гг.) способствовала появлению плеяды крупных военачальников Красной Армии. Всем им были присущи безупречная личная храбрость и беззаветная отвага. Среди них можно выделить кадровых офицеров старого времени, по разным причинам оказавшихся в лагере большевиков, — С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского, В. И. Шорина и др. Еще одной группой «генералов от революции» являлись выходцы из «нижних чинов» императорской армии — В. К. Блюхер, С. М. Буденный, В. И. Чапаев и другие. Наконец, особо отличались военачальники из числа «штатских», которые до 1917 г. были, как правило, далеки от военного дела и занимались революционной (или разбойной) борьбой с романовским режимом, — К. Е. Ворошилов, И. Э. Якир, Г. И. Котовский... Несомненно, одним из самых заметных представителей ленинской когорты «красных маршалов» являлся победитель Колчака и Врангеля, известный советский военный и политический деятель Михаил

¹ Статья представляет собой переработанный текст доклада, прочитанного на III Международной конференции «Мир ислама: история, общество, культура», которая состоялась 22.10.2014 г. в г. Москве при содействии Фонда поддержки и развития научных и культурных программ им. Ш. Марджани.

Васильевич Фрунзе¹. В разносторонней деятельности Фрунзе нас заинтересовала его политика по отношению к мусульманскому Востоку.

В Старом Свете к началу Первой мировой войны проживало около 300 миллионов мусульман. Важнейшим центром мусульманского Востока считалась Турция, султаны которой одновременно почитались как халифы — духовные предводители мусульман суннитского толка². В пределах османских владений обитало примерно 20 миллионов «магометан» (турок, арабов, курдов и др.). В Российской империи (вместе с вассальными до 1917 г. Бухарой и Хивой) к 1914 г. насчитывалось около 18 миллионов мусульман. Большинство их являлись носителями тюркских языков (татары, башкиры, киргизы и др.), причем религиозная (исламская) и языковая (национальная) общности воспринимались ими «тождественно», то есть идентично³. Поэтому в России национальный и мусульманский вопрос были тесно переплетены.

Волею обстоятельств Фрунзе появился на свет в 1885 г. и провел первые девятнадцать лет своей жизни на дальней окраине российского и мусульманского миров — в Семиречье (современные Казахстан и Кыргызстан). Эта территория вошла в состав империи Романовых во второй половине XIX века и к началу XX в. являлась частью Туркестанского генерал-губернаторства (с центром в Ташкенте)⁴. По Всероссийской переписи населения 1897 г. примерно 10% населения Семиречья составляли выходцы из России, к числу которых принадлежала и семья отца Михаила Васильевича — скромного фельдшера Василия Михайловича Фрунзе. Почти 90% жителей Семиречья (около миллиона человек) представляли «коренные туземцы» — «киргизы» (современные казахи и киргизы)⁵. Они в основном занимались скотоводством и разными связанными с ним промыслами. «Киргизы» считались последователями суннитского ислама, однако первостепенную роль в их жизни играли патриархально-родовые отношения. Правила поведения и образ существования «киргизов» регулировались тесно переплетенными нормами адата (обычного права) и мусульманского шариата. Само «киргизское мусульманство» во многом лишь прикрывало многовековые языческие традиции⁶. Европейская (русская) и нерусская («туземно-мусульманская»)

¹ *Архангельский В.В.* Фрунзе. М., 1970; *Рунов В.А.* Фрунзе. Тайны жизни и смерти. М., 2011; *Млечин Л.М.* Фрунзе. М., 2014.

² *Ислам: Краткий справочник.* М., 1988. С. 113.

³ *Бартольд В.В.* От редакции (журнала «Мир Ислама») // В.В. Бартольд. Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 365.

⁴ *Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917.* М., 2003. С. 399.

⁵ *Казахи* // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 785.

⁶ *Народы Средней Азии и Казахстана.* М., 1963. Т. 2. С. 702–704.

общины Семиречья (и всего Туркестана) в бытовом отношении существовали независимо друг от друга. «Новационные», тем более радикально-революционные идеи распространялись прежде всего в европейской среде, в кругу «инородцев» они интересовали лишь очень малую группу образованных «туземцев»¹.

Молодой Фрунзе получил гимназическое образование в Верном (совр. Алматы). Уже тогда его отличали высокая демократическая толерантность и живой интерес к окружающему его мусульманскому миру. Михаил Васильевич неплохо овладел разговорным тюркским («киргизским») диалектом, хорошо освоил нормы степного этикета и мусульманского ритуала. Это помогло ему успешно участвовать в поездках по краю, в частности поработать в научной экспедиции на озеро Иссык-Куль в 1903 г.²

Учёба с 1904 г. в Санкт-Петербургском политехническом институте, приход к большевикам, агитационная работа в текстильных районах Центра России, каторга и ссылка на пятнадцать лет прервала связь большевистского «массовика Арсения» — члена компартии с 1904 г. Фрунзе с миром мусульманского Востока. Однако надо учитывать, что текстильные фабрики Центральной России в значительной степени жили за счет среднеазиатского хлопка. Когда в 1918 г. Фрунзе возглавил только что созданную Иваново-Вознесенскую губернию, то он особо ощутил проблему прекращения поставок туркестанского «белого золота» на Русский Север.

На рубеже 1918–1919 гг. Михаил Васильевич стал одним из главных руководителей Красной Армии в борьбе с Колчаком³. Уже в первые месяцы своей военной деятельности он проявил незаурядные полководческие способности, высокий интеллект и человеческое обаяние. Он сумел заслужить признание как в среде советских военспецов из числа генералов и офицеров царской армии, так и у таких непокорных революционных самородков, как В. И. Чапаев.

Для нас особенный интерес представляет период времени с августа 1919 по сентябрь 1920 г., когда Фрунзе командовал Туркестанским фронтом и одновременно являлся членом Туркестанской комиссии ВЦИК и Совнаркома — главного органа Москвы по управлению Средней Азией⁴. Одним из важнейших вопросов для представителей центра в Туркестане являлась проблема выстраивания отношений с местным «мусульманством». К 1917 г. шариат продолжал

¹ В данном случае речь прежде всего шла о *джадидах* — сторонниках «мусульманского обновления». Более подробно см.: Россия — Средняя Азия. Политика и ислам в конце XVIII — начале XX в. М., 2011. Т. I. С. 390–402.

² Архангельский В. В. Указ. соч. С. 13–14.

³ Рунов В. А. Указ. соч. С. 99.

⁴ Млечин Л. М. Указ. соч. С. 107.

определять ритм общественной и семейной жизни среднеазиатских мусульман. Царские администраторы в целом старались минимально затрагивать туркестанское «мусульманство» и придерживались политики его формального «игнорирования»¹. Подавляющее большинство туркестанских оседлых и кочевых «инородцев» мало интересовалось политической подоплекой революционных процессов в России. Однако когда в результате событий 1917 г. в Туркестане в конечном счете установилась советская власть, это привело здесь к ряду драматических последствий. Первые руководители Советского Туркестана, в основном русские и русскоязычные радикалы, зачастую проявляли в своих действиях по отношению к «туземцам» левачество и «великодержавные» перехлесты. В этих условиях существовавшие уже ранее в крае идеи пантюркизма и панисламизма стали знаменами широко развернувшегося массового антисоветского движения (т. н. басмачества)². С началом «нулевых» годов в работах, изданных в Ташкенте, басмачей зачастую характеризуют как «борцов за национальную независимость»³. Нам представляется, что более обоснованно писать о басмачах как об участниках разбойничьих бандформирований, ликвидация которых в конечном счете способствовала налаживанию мирной жизни в Средней Азии⁴.

При поездке в родной Туркестан Фрунзе мог опереться на политические и правовые решения советской власти по «мусульманскому вопросу». Доброжелательное отношение к исламу и мусульманам — второй по численности вероисповедной группе населения России — было публично декларировано большевиками уже в первые дни после их прихода к власти. В принятом 20 ноября (3 декабря) 1917 г. советском обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» объявлялось, что верования и обычаи российских мусульман, их культурные учреждения «свободны и неприкосновенны». Подписавшие этот документ Председатель Совета народных комиссаров В. И. Ульянов (Ленин) и глава Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР И. В. Сталин призывали мусульман Востока оказать большевикам «сочувствие и поддержку» в борь-

¹ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004. С. 136–137.

² Пантюркизм — идея объединения тюркских народов под эгидой Турции, панисламизм — план интеграции мусульман-суннитов под руководством османских султанов — халифов. Обе идеи звучали в ходе басмаческого движения. О последнем см.: Пылев А. И. Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). Бишкек, 2006.

³ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости // Р. М. Абдуллаев, С. С. Агзамходжаев, И. А. Алимов и др. Ташкент, 2000. С. 225–243.

⁴ Фундированная советская военно-штабная справка по басмачеству была подготовлена в 1922 г. в штабе Туркестанского фронта. Судя по всему, ее составителями были старые офицеры императорской армии, теперь советские военспецы. См: Краткий очерк возникновения и развития басмачества в Фергане. Ташкент, 1922 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 443. Л. 19–40).

бе за «освобождение угнетенных» всего мира от «социального и империалистического гнета»¹.

Ленин, посылавший Фрунзе в Туркестан, судя по всему, считал, что этот уроженец края, знавший и уважавший обычаи его коренных жителей, сможет повести себя более гибко и умело, чем «наломавшие дров» прежние советские руководители Средней Азии². Можно констатировать, что Михаил Васильевич в целом оправдал данные расчеты. В своей туркестанской деятельности он успешно сочетал военные, достаточно жёсткие способы антибасмаческой борьбы с чисто пропагандистскими поступками в «мусульманском вопросе». Атеист по своим убеждениям, Михаил Васильевич прекрасно понимал значение проявления уважения и внимания к местным этноконфессиональным обычаям и традициям. «Кзыл-генерал» Фрунзе хорошо представлял весомость духовного авторитета важнейшего мусульманского «святого места» Туркестана — горы Тахт-и Сулейман (совр. Кыргызстан)³. Посетив этот сакральный объект, Михаил Васильевич совершил здесь обряд ритуального исламского поклонения, что произвело сильнейшее впечатление на коренное население края⁴. В то же время для тогдашних речей, писем и поступков Фрунзе характерно переплетение архетипов традиционной российской геополитики, политического прагматизма и революционного мессианства. Так, выступая осенью 1919 г. в Оренбурге, Михаил Васильевич сказал: «Может быть, то, что не удалось Петру Великому и другим императорам России [т.е. Павлу I. — Д. А.] — их мечты о приближении к Индии (...), удастся нам... Мы взорвём английский капитал в Индии»⁵. Данный подход⁶ проявлялся и в поведении Фрунзе в «бухарском вопросе». Получив после 1917 г. независимость от России, эмирская Бухара в своём государственном устройстве, по мнению выдающегося русского востоковеда академика В. В. Бартольда, представляла собой сложное сочетание «правил шариата, местного среднеазиатского деспотизма и остатков родового строя кочевни-

¹ Декреты советской власти. М., 1957. Т. I. С. 113–115.

² Архангельский В. В. Указ. соч. С. 398.

³ Гора Тахт-и Сулейман (Трон Соломона), расположенная в районе г. Ош, с глубокой древности является важнейшим объектом массового паломничества. В литературе название этой горы связывают с именем библейско-коранического персонажа царя Соломона (Сулеймана). По мусульманской легенде, пророк Сулейман некогда восседал на священной горе, как на троне. См.: Огудин В. Л., Абашин С. Н. Тахт-и Сулейман // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. М., 2003. Вып. 4. С. 76–79.

⁴ Архангельский В. В. Указ. соч. С. 426–427.

⁵ Млечин Л. М. Указ. соч. С. 120.

⁶ Планируя нанесение удара по Британской Индии, российские геополитики учитывали наличие здесь в начале XX в. 60 миллионов мусульман, откровенно ненавидящих лондонских «кяфиров».

ков»¹. В верхах царской России неоднократно обсуждался вопрос об упразднении остатков бухарской самостоятельности и ее полной интеграции в состав монархии Романовых. Любопытно, что в 1910 г. в Петербурге было заявлено о необходимости отложить решение этой проблемы на 10 лет, т. е. до 1920 г.² Теперь именно в 1920 г. «бухарский вопрос» снова стал рассматриваться, но уже новыми правителями России. Точки зрения в центре и на местах здесь снова расходились. Так, Ленин и Троцкий были противниками форсированного радикального решения «бухарского дела»³. Внешне Фрунзе вел себя здесь также сдержанно. Встретившись летом 1920 г. с бухарским эмиром Сейид Алим-ханом⁴, командующий Туркестанским фронтом заявил о невмешательстве Советской России во внутренние дела Бухары, но настаивал на активизации политики «европеизации» [т.е. модернизации. — Д. А.] в жизни эмирата⁵. В реальности Михаил Васильевич занимал здесь иную, гораздо более радикальную позицию. В своей секретной телеграмме Ленину 30 июля 1920 г. Фрунзе писал: «В отношении Бухары мыслимы две линии поведения: 1) надежда на развитие внутреннего революционного процесса в стране и ожидание этого момента; 2) организация революции за счет сил извне. На основании довольно углублённого знакомства с работой бухарских революционеров, как коммунистов, так и демократов [т.е. бухарских *джадидов*. — Д. А.], утверждаю определённо, что процесс внутреннего революционного, развития совершается крайне медленно и может дать, если вообще только даст, результаты лишь в отдалённом будущем... Если считать необходимым скорейшую ликвидацию эмирата (в этом, я полагаю, разных взглядов быть не может), то остаётся второй путь, то есть организация революции путём непосредственного участия наших сил». Убеждая Москву в необходимости превращения Бухары в «независимую советскую республику», хотя Афганистану это «будет, конечно, неприятно», Фрунзе пояснял: «С военной точки зрения момент несомненно благоприятен, ибо я располагаю возможностью за счёт других участков фронта нанести быстрый и решительный удар. А в ближайшем будущем обстановка в связи с усиленной работой белогвардейцев в Кульдже, организующих мусульманский повстанческий центр, и осложнениями в Персии может измениться в худшую сторону. Если персидско-турецкое

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 68. Оп. 1. Д. 77. Л. 12.

² Арапов Д. Ю. Указ. соч. С. 309–310.

³ Генис В. Л. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций: Документальная хроника. М., 2001. С. 15–17.

⁴ Сейид Мир Мухаммед Алим-хан (узб. Said Mir Muhammad Olimxon; 3 января 1880–5 мая 1944) — последний эмир Бухары и последний правитель из династии Мангытов.

⁵ Млечин Л. М. Указ. соч. С. 116.

направление должно стать решающим, а мне лично это кажется так, то с Бухарой надо кончать. Оставление её в тылу всегда будет связываться с раздвоением нашего внимания и ослаблением сил»¹.

Подобный тогдашний радикализм Фрунзе вполне объясним². В то время вера в скорую победу мировой революции господствовала в большевистской среде. Красная Армия рвалась к Варшаве, и победа здесь казалась такой близкой. Но если на Западе советская самонадеянность привела в конечном счёте к жестокому поражению в войне с Польшей, то на Востоке Фрунзе тогда победил. 1 сентября 1920 г. после нескольких дней упорных боёв Бухара была взята частями Красной армии³. Была создана Бухарская народная советская республика (БНСР). Фрунзе сразу же уехал в европейскую Россию воевать с Врангелем. Следует отметить, что, несмотря на падение режима эмирата, басмаческое движение в Бухаре (и всем Туркестане) продолжалось вплоть до 1930-х гг. Но все же опора на войска и спецслужбы, использование созданной царизмом европейской инфраструктуры в конечном счете дали возможность большевикам придавить басмаческое движение. Особое значение здесь имел жёсткий чекистский контроль за деятельностью среднеазиатских исламских духовных кругов⁴.

Завершив разгром Врангеля, Фрунзе с октября 1920 по март 1924 г. являлся командующим Вооружёнными Силами Украины и Крыма, с 1921 г., став членом ЦК РКП(б), входил в круг высшего политического руководства страны. Михаил Васильевич хорошо понимал значение мусульманского Востока в происходящей политической борьбе, и судя по всему, мог солидаризироваться с позицией по данному вопросу руководителя Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина, отвечавшего в правительстве за проведение внешней политики. Последний в своём письме советскому полпреду в Финляндии Берзину писал о том, что в противостоянии советской власти с Антантой «мусульманство» будет или с Антантой против «нас», или же с «нами» против Антанты.

Данный фактор Фрунзе постоянно учитывал во время своей дипломатической миссии в Турцию в ноябре 1921 — феврале 1922 г., куда он прибыл как глава украинской правительственной делегации.

¹ РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 145. Л. 39–40.

² Сложность для Фрунзе заключалась в том, что по договору с Афганистаном Москва в 1919 г. обещала не вмешиваться в бухарские дела. Михаил Васильевич же предлагал полностью ликвидировать режим Бухарского эмирата. Кроме того, он опасался деятельности эмигрантов-белогвардейцев в гор. Кульдже (совр. Синьцзян, КНР).

³ *Архангельский В.В.* Указ. соч. С. 432–433.

⁴ См.: Мусульманское духовенство Средней Азии в 1927 г. (по докладу полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии) [4 июня 1927 г.] // Ислам и советское государство (1917–1936): Сб. Документов. Вып. 2 / Сост., авт. предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. М., 2010. С. 96–134.

После капитуляции Турции перед лицом Антанты осенью 1918 г. и подписания ею в августе 1920 г. унижительного Севрского договора старая Османская империя распалась. Из-под её власти ушли и стали самостоятельными Египет, Ирак, Сирия и ряд других политических образований. Столица — Стамбул — была оккупирована войсками Антанты. Находившееся там правительство и султан Мехмед VI являлись марионетками в руках западных интервентов. Особую остроту ситуации придавала начавшаяся в 1919 г. война турок с греками за контроль над Малой Азией. В этих условиях в Анатолии стало формироваться новое Турецкое государство с центром в Анкаре. Его лидер генерал Мустафа Кемаль (Ататюрк) фактически противостоял контролируемому Антантой режиму Стамбула¹. Кемаль понял необходимость отказа от лозунгов пантюркизма и панисламизма и сделал ставку на строительство чисто турецкого, по сути своей светского, государства. В то же время Кемаль не мог заявить о немедленном отказе от защиты системы исламских ценностей. Кемалистская Анкара формально почитала авторитет власти стамбульского султана — халифа и сохраняла систему мусульманского школьного просвещения².

В данных условиях для Кемалья важнейшую роль стало играть выстраивание добрых отношений с российскими большевиками. Анкара признала советизацию нефтеносного Азербайджана в апреле 1920 г. и готова была упрочнять свои политические связи с Москвой. Вместе с тем анатолийским властям не были нужны промосковские турецкие коммунисты, и поэтому от них старались всячески избавляться³.

В данных сложных условиях Фрунзе проявил себя как осторожный политик и дипломат. Им был подписан украинско-турецкий договор о дружбе, с его подачи Кемалю была оказана серьёзная военно-техническая и финансовая помощь⁴.

В те дни Фрунзе и его военный советник бывший полковник Генерального штаба А. К. Андерс активно консультировали Кемалья и его штабистов при разработке планов антигреческих операций⁵. Документы свидетельствуют, что выпускник Николаевской академии Генерального штаба Александр Карлович Андерс ранее служил у Фрун-

---

¹ Турция: рождение национального государства. 1918–1923: (по документам РГАСПИ). М., Гуманитарий, 2007.

² Пальников А. М. Политика кемалистов в отношении религиозного образования в Турции (1923–1938) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2014. № 2. С. 63–65.

³ Известно, что группа связанных с Коминтерном турецких коммунистов во главе с одним из основателей турецкой компартии Мустафой Субхи была арестована жандармами и утоплена в Чёрном море вблизи Трабзона (Трапезунда) в январе 1921 г. Насколько известно, Кемаль формально не имел отношения к этому событию.

⁴ Рунов В. А. Указ. соч. С. 209–214.

⁵ Млечин Л. М. Указ. соч. С. 144, 183.

зе в штабах Восточного и Южного фронтов, действовавших против Колчака и Врангеля, и пользовался полным доверием Михаила Васильевича. Впоследствии, вспоминая о своем пребывании в Турции, он писал о проявившемся тогда выдающемся таланте Фрунзе как государственного деятеля. По словам Андерса, между Фрунзе и Кемалем сложилась «атмосфера полного доверия, причём обычно такие доверительные отношения существуют только между союзниками, ведущими совместные боевые операции»¹.

В эти дни Михаил Васильевич показал себя блестящим знатоком реалий азиатского мира. Анализ турецкой и международной обстановки, проделанный Фрунзе, позволил ему прийти к точному, далекому от революционного мессианства, выводу о тогдашней «невозможности... социальной революции в Турции»². Прагматическое заключение Фрунзе о необходимости поддержки фигуры Кемалея, далекого от идей социализма, но полезного как врага Антанты, было принято советским руководством и сохраняло свою силу вплоть до ухода Ататюрка из жизни в 1938 г.³ Представляется, что Михаил Васильевич абсолютно справедливо оценил то, что в Турции отсутствовала даже минимальная основа для разжигания здесь «социальной революции». Тюркское общество Малой Азии, по его оценке, было ещё более архаичным, чем коренное население Средней Азии. Таким образом, Фрунзе мог в дальнейшем обоснованно солидаризироваться с данной в 1923 г. Сталиным весьма скептической оценкой революционного потенциала азиатских мусульманских «низов» как «тяжелого резерва Востока»⁴.

Данная осторожность, судя по всему, проявлялась и в подходе Михаила Васильевича к «афганскому вопросу». Как в 1920 г. командующий Туркестанским фронтом, в 1925 г. наркомвоенмор СССР Фрунзе внимательно следил за обстановкой в Кабуле, но был далёк от идеи советского военного вмешательства в афганские дела. Лишь при преемнике Фрунзе на должности главы оборонного ведомства, К. Е. Ворошилове, в 1929 г. действующие под «туземным» прикрытием «красные добротряды» под командованием В. М. Примакова вошли в Афганистан. Здесь они провели «зачистку» басмаческих баз и лагерей, но не пошли южнее Герата и затем вернулись на территорию СССР. Представляется, что тогдашнее советское политическое

¹ Андерс А. Фрунзе в Турции // Известия. 30 октября 1935 г. № 254 (5807).

² Эта объективная оценка положения дел в Анатолии была дана в турецком дневнике Фрунзе. См.: РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 151. Л. 89.

³ Млечин Л. М. Указ. соч. С. 185.

⁴ Сталин И. В. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии // Сталин И. В. Сочинения. Т. 5: 1921–1923 / Ин-т Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП (б). — VII. М., 1952. С. 237.

и военное руководство хорошо помнило о печальном итоге трёх англо-афганских войн XIX — начала XX в., каждая из которых закончилась неудачей британцев. К этому времени русским военным востоковедением был накоплен богатый опыт аналитики по Афганистану. Здесь особо выделялась выдающаяся книга профессора военной академии РККА А. Е. Снесарёва «Афганистан» (1921 г.)¹. Увы, к концу 1970-х гг. правило осторожного поведения в мире ислама (и его афганском сегменте) было забыто советскими верхами. Началась, по сути, безнадёжная афганская война, обозначившая наступление эпохи советских и постсоветских «ляпов» в исламской политике².

Таким образом, представляется особо необходимым комплексное осмысление поведения и действий М. В. Фрунзе на мусульманском Востоке. Им можно, несомненно, давать достаточно неоднозначную оценку. Где-то Михаил Васильевич считал возможным действовать решительно и даже радикально («бухарский вопрос», борьба с басмачеством, вовлечение Туркестана в советское национально-государственное размежевание середины 20-х гг.). Однако всё же в основном, по нашему мнению, Фрунзе был сторонником достаточно осторожной, в первую очередь прагматической, политики в мусульманском мире внутри и вне нашей страны.

Литература

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 443.

РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 151.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 68.

Андерс А. Фрунзе в Турции // Известия. 30 октября 1935 г. № 254 (5807).

Андогский А. И., Дроздов Ю. И., Курилов В. Н., Бахтурин С. Г. Афган, снова Афган... М.: Воениздат, 2002. 367 с.

Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.): монография / Д. Ю. Арапов; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. М.: [МПГУ], 2004. 287 с.

Архангельский В. В. Фрунзе. М.: Мол. гвардия, 1970. 509 с.

¹ Фрунзе как начальник Военной академии РККА в 1924–1925 гг. не мог не знать этой работы своего ведущего профессора А. Е. Снесарёва.

² Об афганской войне см.: *Андогский А. И. и др.* Афган, снова Афган... М., 2002; *Меримский В. А.* Загадки афганской войны. М., 2013.

Бартольд В. В. От редакции (журнала «Мир Ислама») // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 365.

Генис В. Л. «С Бухарой надо кончать...»: к истории бутафорских революций: документальная хроника. М.: МППИ, 2001. 91 с.

Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 569 с.

Меримский В. А. Загадки афганской войны. М.: Вече, 2013. С. 382.

Млечин Л. М. Фрунзе. М.: Молодая гвардия, 2014. 263 с.

Мусульманское духовенство Средней Азии в 1927 г. (по докладу полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии) [4 июня 1927 г.] // Ислам и советское государство (1917–1936): Сб. Документов. Вып. 2 / Сост., авт. предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. М.: Изд. дом Марджани, 2010. С. 96–134.

Огудин В. Л., Абашин С. Н. Тахт-и Сулейман // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. М., 2003. Вып. 4. С. 76–79.

Пальников А. М. Политика кемалистов в отношении религиозного образования в Турции (1923–1938) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2014. № 2. С. 63–75.

Пылёв А. И. Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). Бишкек, 2006.

Россия — Средняя Азия. Политика и ислам в конце XVIII — начале XX в. М., 2011. Т. I.

Рунов В. А. Фрунзе. Тайны жизни и смерти. М.: Вече, 2011. 350 с.

Сталин И. В. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве: Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 5: 1921–1923. / Ин-т Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП (б). — VII. М.: Политиздат, 1952. С. 236–263.

Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости // Р. М. Абдуллаев, С. С. Агзамходжаев, И. А. Алимов и др. Ташкент, «Шарк», 2000. 672 с.

Турция: рождение национального государства. 1918–1923: (по документам РГАСПИ) / Федеральная арх. служба России, Российский гос. арх. социально-политической истории, Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т научной информ. по общественным наукам РАН; [сост. Шувалова Н. Б.]. М.: Гуманитарий, 2007. 337 с.

MUSLIM ORIENT IN MIKHAIL FRUNZE ACTIVITY

D. Yu. ARAPOV

(16 may 1943 – 14 oct. 2015),

Dr. Sci. (Hist.), professor, Member of the editorial board Peer-reviewed academic journal *Islam in the modern world*; professor of the Department of Russian History to the beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (27, bld. 4, Lomonosov's prosp., Moscow, 119991, Russian Federation).

Summary: Article deals with views and policies of the Soviet military leader Mikhail Frunze towards Muslim peoples and countries (Central Asia, Afghanistan and Turkey).

Keywords: Islam; Civil War; Central Asia; movement of basmachu; USSR and Turkey; Afghanistan

DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-127-138

